

Владимир Щербина: "Тогда я принял одно из самых непростых решений: уйти на объект"

В ходе подготовки книги "Живы, пока нас помнят", которая выйдет в свет в апреле, к 25-летию Чернобыльской катастрофы, Александр Купный встретился с первыми ликвидаторами и с теми, кто внес существенный вклад как в ликвидацию аварии, так и в работу ЧАЭС. Одна из встреч была с почетным гражданином Славутича В.Г. Щербиной.

Мы полагаем, что записи, сделанные во время беседы, будут интересны самому широкому кругу читателей.

Окончание. Начало в №№8,9

...Был момент, когда решалась судьба "Укрытия": самостоятельное предприятие в составе министерства по делам защиты населения от последствий Чернобыльской катастрофы или в составе с ЧАЭС уходил в Госкоматом. Я предпочел первый вариант, но политические интриги и амбиции отдельных руководителей помешали.

ЧАЭС была передана в Госкоматом вместе с объектом "Укрытие", который как предприятие был ликвидирован, моя должность сокращена и административно руководил "Укрытием" заместитель главного инженера Толстоногов В.К. Было разрушено и уничтожено почти все, что было создано на объекте "Укрытие" за период его самостоятельного существования. Коллектив, планы работы. Даже дом, который мы начали строить для наших работников в Вышгороде, отдали неизвестно кому.

Уманец предлагал мне работу в Госкоматоме Украины, но бумажной работе я предпочел работу в МНТЦ, поближе к объекту "Укрытие". Однако руководство ЧАЭС давало указание — Щербину в "Укрытие" не пускать, мало ли что он там найдет.

Объект "Укрытие" — это самостоятельный объект, который имеет свои схемы, задачи, проблемы и технологии решения, а на станции свои. Эти различия и сейчас сохраняются. Когда это все смешали, то этим мы понизили статус "Укрытия" и подняли статус станции. Для ЧАЭС это лучше, для "Укрытия" это хуже.

Затягивание строительства НБК выгодно сегодня всем, кто с этим связан. Причём в одинаковой мере как для иностранных специалистов, так и для наших. Кроме, конечно, стран-доноров.

Любые попытки сделать объект "Укрытие" самостоятельным приводили к конфликту с руководством ЧАЭС.

Новый безопасный конфеймент (НБК)

НБК необходим как элемент увлечения топлива из объекта "Ук-

крытие", а не только как защитное сооружение. Думаю, что его всё-таки построят. Для Запада это дело престижа. Затягивание строительства выгодно сегодня всем, кто с этим связан. Причём в оди-

“

Персонал станции за аварию осудили зря, а вот за действия по спасению персонала после аварии — за это надо было отвечать. Считаю, что Брюханова, Фомина и Рогожкина необходимо было судить не за факт аварии, а за гибель людей. Какая бы авария не произошла, руководитель обязан максимально защищать свой персонал. Они защите персонала не обеспечили.

”

наковой мере как для иностранных специалистов, так и для наших. Кроме, конечно, стран-доноров. Поэтому именно от их позиции в конечном счете будут зависеть темпы выполнения работ на объекте "Укрытие". Конечно, это не следует понимать так, что работы специально затягиваются. Нет, просто реализуется один из вариантов "итальянской забастовки".

Проект, действительно, очень сложный и до конца не проработанный. А экономической заинтересованности в его скорейшем и качественном завершении почти ни у кого нет. Интерес к "Укрытию" и станции после завершения строительства НБК заметно упадет, и это плохо. Запад вправе будет сказать: "НБК построен. Извлечение топлива, разборка конструкций — это уже ваше дело".

О разборке нестабильных строительных конструкций "Укрытия". С точки зрения западной культуры безопасности: разбирать надо. С точки зрения современной украинской: разбирать необязательно. Поэтому вопрос нашими "вымогателями" ставится следующим образом: дадите деньги на внедрение ваших (западных) мер безопасности, будем разбирать. Не дадите: не будем. В перспективе наша культура безопасности, я уверен, будет двигаться к европейской, но с какой скоростью?

По топливосодержащим массам. Есть разные прогнозы, как они себя поведут. Будут разрушаться? Измельчаться? Процесс "охрупчивания" будет прогрессировать? Есть вариант, что этого не произойдет или произойдет, но в меньшей степени. Нужны исследования и желание разобраться. При этом не бояться, что проблема будет более опасная, чем мы ее видим сейчас. Академия наук Украины в лице Ключникова успокаивает общественность, говоря, что проблема есть, но она не такая страшная, чтоб ею сейчас заниматься. В Украине нет заинтересованных лиц и организаций, которые бы реально добивались детального исследования и мониторинга ТСМ.

К сожалению, руководство станции рапортует лишь о том, что у них всё хорошо с реализацией международных проектов. И при этом постоянно просит деньги. Кто ж вам будет их давать в полном объеме, если вы и так справляетесь, судя по вашим постоянным громогласным заявлениям? Денег в Украине не хватает всем.

Далее. Специалистов по радиационной защите, крупного уровня, на станции практически не осталось. Радиационная защита скачивается на аварийный 86-го года уровень, а тогда она просто провалилась. И этих специалистов никто не готовит. Более того, их элементарно продолжают выдавливать со станции.

И последнее

Персонал станции за аварию осудили зря, а вот за действия по спасению персонала после аварии — за это надо было отвечать. Считаю, что Брюханова, Фомина и Рогожкина необходимо было судить не за факт аварии, а за гибель людей. Какая бы авария не произошла, руководитель обязан максимально защищать свой персонал. Они защите персонала не обеспечили.

“

К сожалению, руководство станции рапортует лишь о том, что у них всё хорошо с реализацией международных проектов. И при этом постоянно просит деньги. Кто ж вам будет их давать в полном объеме, если вы и так справляетесь?

”

обеспечили. А их вышестоящие руководители в этом им не помогали, хотя имели значительно больше возможностей и времени. А предупреждением такой аварии в стране, как позднее выяснилось, не занимались ни академики, ни министры, которым по должности это полагалось делать.